

На правах рукописи

Стешевич Варвара Юрьевна

**Категория императивности
и средства ее объективации
в русском и сербском языках**

Специальность 10.02.03 — славянские языки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва
2017

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Институт славяноведения Российской академии наук» в Отделе славянского языкознания

Научный руководитель: доктор филологических наук,
Журавлёв Анатолий Федорович
(Институт славяноведения РАН,
ведущий научный сотрудник)

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук **Изотов Андрей Иванович**
(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет (МГУ)», профессор кафедры славянской филологии)

кандидат филологических наук **Чарский Вячеслав Владимирович**
(Федеральное государственное бюджетное учреждение «Редакция "Российской газеты"», заместитель шеф-редактора Дирекции международных проектов)

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», кафедра славянской филологии филологического факультета

Повторная защита состоится «__» «_____» 2017 г. в 15:00 час. на заседании диссертационного совета Д 002.248.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте славяноведения РАН по адресу: 119334 г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а, корпус «В», 9-й этаж, ауд. 901–902.

С диссертацией можно ознакомиться в диссертационном совете Института славяноведения РАН и на сайте ИСл РАН: <http://www.inslav.ru>.

Автореферат разослан «__» «_____» 2017 г.
Размещен на сайте ИСл РАН: <http://www.inslav.ru>
и ВАК при МОН РФ

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

М.М. Валенцова

© Институт славяноведения
РАН

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертация посвящена исследованию категории императивности и средствам ее объективации в сопоставительном аспекте.

В современной лингвистике значительное внимание уделяется исследованию различных способов речевого побуждения и их грамматическому выражению. Однако, несмотря на большое количество работ, круг проблем, связанных с категорией императивности, не может считаться решенным. Множество существующих концепций указывает на то, что исследования в данном направлении необходимо продолжить. Это послужило одной из причин выбора данной категории в качестве предмета диссертационного исследования.

Сопоставительный аспект предлагаемого исследования мотивирован тем, что сравнительное изучение языкового феномена позволяет сделать более глубокие выводы, чем исследование исключительно в рамках одного языка. Сравнение же близкородственных, типологически схожих языков способно выявить нюансы как морфологического, так и семантического характера, ускользающие при контрастивном анализе типологически различных языков или незаметные при узком рассмотрении проблемы внутри системы одного языка. Лингвистические работы, в которых бы предлагалось комплексное сопоставительное рассмотрение категории императивности в славянских языках, до сих пор отсутствуют. В нашем диссертационном исследовании представлено сопоставительное рассмотрение категории императивности на материале сербского и русского языков. Целесообразность такого выбора славянских языков обусловлена тем, что исследование сербского императива в настоящее время в количественном отношении уступает исследованию русского императива. Тем самым определяется **актуальность** реферируемой диссертации, а именно сравнительно небольшой изученностью категории императивности и необходимостью изучения средств выражения данной категории не только в рамках одного языка, но и в соотнесении с системой другого, похожего, но имеющего отличия языка.

Объектом исследования являются фрагменты двух языковых систем, представляющие собой совокупность явлений языка, объединенных категориальной семантикой императивности, а именно: высказывания со специфическими императивными формами, высказывания с неспецифическими императивными формами и высказывания без императивных форм, но обладающие императивной семантикой.

Целью исследования является изучение и описание грамматико-семантических особенностей средства выражения императивности в русском и сербском языках, установление структурно-содержательной специфики категории императивности и определение сходств и различий в средствах выражения категориальной семантики императива в сопоставляемых языках, что в дальнейшем может быть использовано для построения языковой картины мира.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. исследование теоретических основ и концепций императивности в свете классических и новых научных направлений языкознания;
2. систематизация языковых средств различного уровня, выражающих понятийную категорию императивность в русском и сербском языке, их сопоставительный анализ;
3. построение функционально-семантической модели категории императивности в русском и сербском языках, определение ядра и периферии функционально-семантического поля данной категории;
4. анализ ядерных, приядерных и периферийных репрезентаций категории императивности для каждого из исследуемых языков;
5. сопоставительный анализ внутреннего устройства категории императивности, ее членения на микрополя.

В качестве **материала исследования** были использованы электронные тексты из компьютерной сети Интернет, среди которых есть как написанные на литературном языке, так носящие ярко выраженный разговорный характер. Привлечение текстов разговорного некодифицированного языка, близких к спонтанной устной речи, позволяет обнаружить наиболее актуальные тенденции современного формообразования и множество смысловых контекстов, не встречающихся в нормированных литературных текстах. Основной объем материала был собран в доменах .ru и .rs с 2009 по 2012 год.

Теоретической базой исследования послужили фундаментальные труды ведущих русистов (В.В. Виноградова¹, Л.А. Бирюлина²), сербистов (Б. Тошовича³, Д. Войводича¹, М. Ивич², М. Стевановича³), ти-

¹ *Виноградов В.В.* Русский язык. (Грамматическое учение о слове) /Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е издание. М., 2001.

² *Бирюлин Л.А.* Семантика и прагматика русского императива. Helsinki: Slavica Helsingiensia, 1994.

³ *Тошович Б.* Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербско-хорватского языков. М, 2006.

пологов (В.С. Храковского⁴, В.Б. Касевича⁵), специалистов в области семантики (Дж. Остина⁶, Дж. Серля⁷, А. Вежбицкой⁸) и функционально-семантической грамматики (А.В. Бондарко⁹). Наиболее существенными для нашего исследования являются такие понятия, как семантическая категория (инвариантный категориальный признак, или семантическая константа) и функционально-семантическое поле (комплекс равноуровневых средств, взаимодействующих на основе общности их семантических функций), которые были сформулированы А.В. Бондарко в рамках теории функциональной грамматики¹⁰. Семантические категории являются содержательными понятиями, регулярно представленными в содержании высказывания, они участвуют в формировании конкретного смысла высказывания и связаны со средствами выражения, то есть с языковыми формами¹¹. Использование концепции поля в лингвистике имеет давнюю традицию¹². Не останавливаясь подробно на истории вопроса,

¹ Войводиц Д. Об инклюзивных формах императива в славянских языках // *Izučavanje slovenskih jezika, književnosti i kultura u inoslovenskoj sredini*. Beograd, 1998.

² *Sintaksa savremenoga srpskog jezika. Prosta rečenica / U redakciji Milke Ivić*. Beograd, 2005.

³ *Stevanović M. Savremeni srpskohrvatski jezik, 1*. Beograd, 1999.

⁴ *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива. Русский императив, М., 2001.

⁵ *Касевич В.Б.* Императивность, каузативность, перформативность // *Функционально-логические аспекты анализа императива, ч. 1. Семантика и прагматика повелительных предложений*. М., 1990.

⁶ *Остин Дж.* Избранное. М., 1999.

⁷ *Серль Дж.Р.* Косвенные речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике*. М., 1986. Вып. 17.

⁸ *Вежбицка А.* Речевые акты // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. М., 1985.

⁹ *Бондарко А.В.* (отв. ред.) *Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность*. Л., 1990; *Бондарко А.В.* (отв. ред.) *Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность временная локализованность, таксис*. Л., 1987; *Бондарко А.В., Шубик С.А.* (отв. ред.) *Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры*. СПб., 2005.

¹⁰ *Бондарко А.В.* (отв. ред.) *Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность временная локализованность, таксис*. Л., 1987. С. 11–28.

¹¹ Там же. С. 30–31.

¹² См., на пример *Щур Г.С.* *Теория поля в лингвистике*. М., 1974.

отметим, что концепция впервые начала разрабатываться в германистике и значительный вклад в ее развитие внесли отечественные германисты Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс, которые описали поле как сложную структуру, которую «можно представить в виде горизонтального и вертикального сечений. По горизонтали располагаются семантические участки – микрополя... По вертикали располагают конститuentы микрополей, которые в то же время являются конститuentами макрополя»¹. Вслед за Гулыга, Шендельс и Бондарко² мы используем термин «микрополе» для обозначения минимального элемента поля. Кроме того, исключительно важным для нашего исследования является понимание того, что семантическая категория обладает структурой, состоящей из ядра (центра)³ и периферии. Подобный подход, в котором противопоставляется центр и периферия, разрабатывали многие лингвисты применительно к структуре различных языковых явлений, отметим лишь, что «если функционально-семантическая категория опирается на категорию грамматическую, то именно эта последняя выполняет роль ядра или центра, потому что в ней содержание данной функционально-семантической категории находит наиболее «специализированное» и концентрированное выражение»⁴.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней рассмотрена вся совокупность средств выражения императивности в сербском языке (включая как общепризнанные средства, так и пока не привлекавшие внимания лингвистов), установлены общие грамматико-семантические тенденции для обоих сравниваемых языков, выявлены частные императивные значения и обнаружены различия в устройстве ядра и периферии семантического поля обоих языков. Впервые описываются разговорные формы императива совместного действия в сербском языке, отмечаются новые тенденции к грамматикализации сочетаний с *идем* в русском и с *daj* в сербском в побудительном значении. Также дополнен список средств непрямого выражения императивности неспецифическими формами.

¹ Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969. С. 9–10.

² Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. М., 1971. С. 68.

³ Мы используем термин «ядро», считая его полным синонимом термина «центр».

⁴ Бондарко А.В. Система времен русского глагола (в связи с проблемой функционально-семантических и грамматических категорий). Автореф. дисс. ... док. филол. наук. Л., 1968. Цит. по: Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М., 1974. С. 69.

Теоретическая значимость работы заключается в ряде выводов о природе императивности, ее основных семантических признаках и соотношении с другими семантическими категориями, а также в рассмотрении новых, малоизученных форм выражения императивности.

Практическая ценность диссертации заключается в том, что полученные результаты анализа языкового материала могут быть использованы для расширения и уточнения описания категории императивности в теоретических грамматиках, в лекционных курсах по грамматике русского и сербского языков и в переводческой практике.

Положения, выносимые на защиту:

1. Категория императивности — это одна из базовых семантических категорий, которая может быть представлена в виде функционально-семантического поля, имеющего ядро и периферию.

2. Императивную семантику объективирует особый тип высказываний, которые являются самостоятельными, непроеизводными и обладают набором конституирующих признаков.

3. Категория императивности членится на функционально-семантические микрополя (или частные императивные значения)

4. Ядро функционально-семантического поля императивности составляют специализированные формы с морфологическим показателем императивности *-и/-й-* (*-i/-j-*). При этом в русском языке в состав ядра входят формы 2-го лица, в состав ядра в сербском языке входят формы 2-го лица и синтетические формы 1-го лица мн. ч. В русском языке аналитические формы 1-го лица мн. ч. входят в приядерную зону. В сербском языке аналитические формы 1-го лица мн. ч. также входят в приядерную зону.

5. В приядерной зоне функционально-семантического поля императивности в обоих языках идет процесс грамматикализации новых аналитических форм.

6. Ближняя периферия функционально-семантического поля императивности состоит из неспецифических форм 3-го лица, которые помимо императивности могут являться средством выражения смежных семантических категорий.

7. Дальнюю периферию функционально-семантического поля императивности конституируют императивные высказывания без императивных форм, в которых семантика императивности объективируется формами в переносных значениях и эллиптическими конструкциями.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается выбор темы и ее актуальность, определяются предмет, цели и задачи исследования, представляется материал исследования, формулируются положения, выносимые на защиту.

В главе I рассматривается вопрос, какие именно значения мы можем назвать императивными, в чем их специфика и отличия от других типов высказываний.

Глава посвящена **теоретическим вопросам семантики императива**. В ней дается обзор и сравнение принципов, определяющих подход к категории императивности и трактовку языковых средств реализации рассматриваемой категории в современной лингвистике. Основная цель главы — попытка выявить семантические составляющие категории императивности и сформулировать значение рассматриваемой категории. Для этого был очерчен круг исследования и предложен собственный взгляд на то, какие формы могут выражать значение императивности. Ввиду того, что в современном языкознании накоплено множество наблюдений и сформированы различные (зачастую противоположные) подходы как к семантике императивности, так и средствам ее объективации, данная предварительная работа является уместной и необходимой.

Объектом исследования предлагаемой работы является семантико-грамматическая составляющая языка, которая слабо осознается носителями и менее всего подвержена внешнему воздействию. Однако, несмотря на стабильность, в грамматическом строе постоянно проходят малоприметные процессы, которые легче всего заметить в устной разговорной речи. Наиболее близкой к разговорной речи является спонтанная, не подготовленная коммуникация на Интернет-форумах, созданных для проведения дискуссий на различные интересующие пользователей темы. Интенсивность и жанровая специфика общения в Интернете привели к появлению такого феномена как «письменная разговорная речь».

Для разговорной речи, и для письменно-разговорной в том числе, характерны неправильные употребления, которые трактуются как ошибочные с точки зрения нормы. Однако их частотность указывает на то, что носителями языка они не воспринимаются как ошибочные и коммуникативным препятствием не являются. При описании форм императива мы ориентировались не только на норму, изложенную в грамматиках, но и на употребления, которые не соответствуют грамматической норме, но выполняют ту же самую функцию, что и формы, зафиксированные в грамматиках. Мы придерживаемся концепции А. Фрея, изложенной в его

работе «Грамматика ошибок»¹, согласно которой ошибки обусловлены функционированием речи и их появление мотивировано языковыми законами и процессами, которые могут значительно опережать норму.

Наиболее информативной для исследователей-синхронистов является разговорная речь и, в том числе, письменная разговорная речь, которая в силу спонтанности и отсутствия рефлексии Говорящего над формой позволяет увидеть морфологические формы и употребления, не описанные в грамматиках. По этой причине мы использовали в качестве языкового материала дискуссионные форумы, на которых люди пишут непосредственно так, как говорят. Списки форумов для обоих языков приводятся в Приложении 1.

В первом разделе главы I кратко изложены подходы к **семантике императивов в философии языка** и основные направления дискуссий по данному вопросу. Для выявления специфики императивов необходимо учитывать то, что императивные высказывания не содержат характеристики по признаку истинности/ложности и не являются производными от другого типа высказываний.

Второй и третий разделы главы посвящены обзору работ, посвященных **проблемам императивности, в современном русском и сербском языкознании**. Данные обзоры выявили большую разработанность теоретических вопросов императивности (императивная ситуация, макро-роли императивной ситуации, модель структуры содержания императивных высказываний) в русистике и сравнительно малую изученность императива в сербистике, на которую указывают сами сербисты.

Сопоставив работы А.В. Бондарко², Л.А. Бирюлина³, А.И. Изотова⁴, В.Ю. Гусева⁵ и В.Б. Касевича⁶, в четвертом разделе «Императив-

¹ *Фрей А.* Грамматика ошибок. М., 2006.

² *Бондарко А.В.* (отв. ред.) Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 80.

³ *Бирюлин Л.А.* Семантика и прагматика русского императива. Helsinki: Slavica Helsingiensia, 1994.

⁴ *Изотов А.И.* Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке как прагмалингвистический феномен. Дисс. ... док. филол. наук. Москва, 2007.

⁵ *Гусев В.Ю.* Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.

⁶ *Касевич В.Б.* Императивность, каузативность, перформативность // Функционально-логические аспекты анализа императива, ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений. М., 1990.

ность как особая семантическая категория» мы формулируем определение императивности как совокупности некоторых обязательных значений, которые позволяют отделить императивные высказывания от всех остальных, а также сформулировать специфику семантики императива. Императивным мы считаем такое значение, которое обладает семантическими признаками 1) каузативности (императивное высказывание каузатирует действие в экстралингвистической реальности), 2) перформативности (у императивного высказывания совпадает план содержания и план выражения, произнесение императива является неречевым поступком) и 3) контролируемости (наличие в императивном высказывании предиката с агентивным субъектом).

Желательность, которую часто постулируют в качестве условия побуждения, не является обязательным семантическим компонентом императивности. Вместо желательности, на наш взгляд, уместнее говорить о значении долженствования. Каузируемая ситуация представляется Говорящему должной, но необязательно желательной. Точно так же Исполнитель не всегда желает выполнять прескрипцию, но зачастую вынужден.

Глава II посвящена **ядру категории императивности** в сравниваемых языках, особенностям структуры ядра и специфике взаимодействия императивности с другими глагольными категориями.

Поскольку императивное значение может быть выражено при помощи различных глагольных и именных форм, а также синтаксических конструкций, возникает вопрос: какие языковые средства выражения императивности являются основными, а какие к ним примыкают? Ответ на него дает соотнесение семантики с грамматикой. Типичное императивное значение, обладающее признаками каузативности, перформативности и контролируемости, выражается грамматическим императивом со специализированными глагольными формами. Однако формы императива, помимо значения императивности, обладают обязательными грамматическими значениями — лицом, числом и глагольным видом. Эти значения в императивных формах существенно отличаются от аналогичных значений в других глагольных формах.

В первом разделе главы II, посвященном **специфике категорий лица, числа, глагольного вида и отрицания в императивных формах**, рассматриваются различия и сходства между русским и сербским языком в области взаимодействия императива и глагольных категорий.

В отличие от других глагольных наклонений в императиве информация о лице и числе является не согласовательной категорией, а держательной. Изменение лица в императиве ведет к изменению экстра-

лингвистической ситуации. Специфика категории лица в императиве состоит в том, что во всех императивных формах обязательно присутствуют роли Говорящего и Адресата, которые образуют рамку императивной ситуации — Прескриптора и Исполнителя прескрипции. Грамматически выраженное лицо у глагольной императивной формы обозначает Исполнителя (или нескольких Исполнителей) каузируемого действия. Вопрос, для каких лиц возможно существование императива, напрямую связан с тем, кто может быть Исполнителем каузируемого действия. Различия в данной категории между русским и сербским языком невелико, в обоих языках ядро категории императивности выражается специализированными формами 2-го лица, обозначающими, что Исполнителем прескрипции является Адресат. В обоих языках мн. числа 2-го лица употребляется, если число Адресатов больше одного и при необходимости использовать вежливую форму. Использование и ед. и мн. числа возможно в случае нерелевантного употребления, когда референт неясен из контекста или нерелевантен. (*Возьмите по столовой ложке сока алоэ и меда, чайную ложку сока чеснока, желток, смешайте. Uzmite dublji lonac i zagrejte maslinovo ulje. Выпил, за руль не садись! Pošalji SMS, prijavi korupciju u zdravstvu*). Колебания в выборе числа отмечаются в том случае, когда Получатель прескрипции один, а Исполнителей, которые будут совершать действие совместно, несколько (*Миша, возьми(те) с Петей по блинчику. Mišo, uzmi(te) sa Milanom po palačinku.*)

В отличие от категорий лица и числа, категория глагольного вида в императиве имеет значительные различия в сравниваемых языках. В русском языке в общефактическом значении императива употребляется НСВ (*Прихожане, отключайте мобильные телефоны в храме*), в сербском в этом значении употребляются и СВ (*Isključite «Data enabled» kada ne želite koristiti Internet preko SIM kartice*), и НСВ (*Isključujte punjače iz utičnice kada završite punjenje uređaja*). В русском языке в актуально-длительном значении используется НСВ (*Кушай, кушай, никого не слушай!*). В сербском в том же значении может использоваться и СВ (*Za svaki obrok i dalje nastavi da jedeš proteina iz životinjskih izvora*), и НСВ (*Jedi, sinko, jedi, uzmi malo, ajde*). Употребление СВ императива в сербском намного шире, чем в русском. СВ императива может выражать повторяющееся действие (*Ako patite od artritisa, svaki dan pojedite oko 30 grama semenki bundeve*). И даже в процессуальном значении может быть использована форма СВ, что в русском языке невозможно (*Probaj koricu hleba da umočiš u so i pojedij polako žvačući*). Таким образом, соотношение семантики процесса и результата с глагольными видами в сербском императиве оказывается ослаблено и строго не соблюдается. СВ вытесняет

НСВ, и за НСВ закрепляется статус маркированной формы, выражающей фамильярное или невежливое побуждение.

Однако категория отрицания накладывает свой отпечаток на взаимодействие вида с императивностью. В отрицательных формах императива, которые еще называют прохибитивами, в русском языке употребляется только НСВ (*Не открывай крышки над трепалом до полного останова машины*). СВ употребляется в превентивных высказываниях, имеющих целью предупреждение ненамеренного действия (*Не выключи случайно в доме свет*). В сербском языке употребление императива с отрицанием имеет свою специфику и отличается от русского. Прохибитив также выражается НСВ императива, но, помимо этого, может быть выражен синонимичными конструкциями *nemoj + инфинитив* или *nemoj + da + наст. вр.* (*Ne diraj moje jabuke. Nemoj dirati Dejtonski sporazum ili četo imati problema. Nemoj da diraš kamenčiće, isprljaćeš se*). Превентивы же не имеют императивную форму, другими словами — СВ не встречается в отрицательных формах императива. Вместо императивной формы используются индикативные конструкции с отрицательной частицей *nemoj* и инфинитивом или с отрицательной частицей *nemoj* и настоящим или прошедшим временем глагола, который вводится частицей *da* (*Nemoj to da uradiš ni slučajno! Nemoj da si to uradio!*).

Категория глагольного вида в сербском императиве отличается от аналогичной категории в русском. Если в русском языке оба вида равноправны и выражают различные значения, то в сербском СВ берет на себя часть значений НСВ, и таким образом НСВ вытесняется из императивных форм. В то же время в отрицательных императивных формах в сербском языке вытесненным является СВ. В русском языке видовое противопоставление императивных отрицательных форм выражает семантическое противопоставление превентива и прохибитива. Если в русском императиве сохраняется видовое противопоставление, то в сербском императиве наблюдается тенденция к нивелированию видовых различий и дополнительному распределению категории вида в зависимости от отрицательности.

Второй раздел главы II посвящен **семантической структуре ядра императивности и классификация функционально-семантических вариантов**. В данном разделе речь идет о том, что императивные высказывания, которые включают в себя одну и ту же форму, принадлежащую ядру императивности, могут по-разному оцениваться участниками речевого акта и иметь различные прагматические характеристики. В таком случае они относятся к различным функциональным-семантическим микрополям, которые выделяются внутри функционально-семантичес-

кого поля императивности. Во втором разделе главы II мы рассматриваем функционально-семантические микрополя, которые выделяются при членении ядра категории, и не рассматриваем другие, некатегориальные, выражения того же самого микрополя. Например, СОВЕТ может быть выражен императивной формой, принадлежащей ядру категории, а может быть выражен периферийным средством — сослагательным наклонением. Однако на периферии нет такого императивного микрополя (частного императивного значения), которого бы не было в ядре категории. Поэтому, на наш взгляд, наиболее существенной является классификация значений, входящих в ядро и выражающихся центральной формой. На периферии поля представлены те же содержательные элементы, но с другой формой выражения и добавлением или усилением дополнительных значений. Некатегориальные средства выражения императивности и их распределение по функционально-семантическим микрополям рассмотрены в главе V.

Во втором разделе главы II предлагается классификация, основанная на выявлении шаблонов коммуникативных ситуаций, в которых используются те или иные подвиды императивных высказываний. Нам представляется целесообразным одновременно описывать шаблон как с позиции Говорящего, так и с позиции Адресата, поскольку каждое высказывание подразумевает не только порождение, но и понимание и реакцию. Сравнительно небольшое количество коммуникативных шаблонов, учитывающих основные семантические подвиды императивных высказываний, выделяемых большинством исследователей, позволит в конечном итоге описать признаки, по которым эти шаблоны противопоставляются. Сходства и различия между этими ситуациями могут быть обобщены в признаки.

При создании классификации императивных высказываний мы исходили из того, что, в целом, императивные высказывания используются Говорящим с целью изменения текущей, наличной ситуации, для чего он (Говорящий) каузирует действие Адресата, который должен стать агентом выполняемого действия. Главным условием императивного высказывания является то, что Говорящий считает текущую ситуацию (до речевого акта) не идеальной, в ней возможны или необходимы преобразования. При этом мы считаем, что целесообразно различать ситуации, в которых необходимо управление, которое должен осуществлять Говорящий, и без которого ситуация может выйти из-под контроля, стать кризисной или перестать существовать, и, с другой стороны, ситуации стабильные, но требующие изменений (по умолчанию в лучшую сторону). Именно ситуации, требующие управления, как мы считаем, занимают центральное положение в ядре семантической категории императивно-

сти. Они являются прототипическими, эталонными и консолидируют ядро и в целом всю категорию.

Некоторые классификационные признаки:

1. Необходимость (деонтическая) совершать каузируемое действие для Адресата, которая может иметь положительное и отрицательное значение. Этот признак подразумевает совокупность норм, ориентируясь на которые Говорящий произносит Прескрипцию, а Слушающий ее исполняет. Также этот признак непосредственно связан с субординацией между участниками речевого акта и позицией Говорящего. Этот признак выделяет ПРИКАЗ (и его подвиды — КОМАНДУ и РАСПОРЯЖЕНИЕ) среди всех остальных типов императивного значения. Отрицательная необходимость — это ЗАПРЕТ (прохибитив и превентив), то есть необходимость не совершать действие или не допустить его совершения.

2. Потребность Говорящего в каузируемом действии. Этот признак носит градуальный характер (острая потребность, желательность и т. д.) и объединяет такие подтипы как ТРЕБОВАНИЕ, МОЛЬБА, ПРОСЬБА, УГРОЗА и противопоставляет их остальным.

3. Потребность Адресата в каузируемом действии. Этот признак тоже имеет градуальный характер и может присутствовать в большей или меньшей степени. Этот признак объединяет такие подтипы как ИНСТРУКЦИЯ и СОВЕТ и противопоставляет их всем остальным.

4. Наличие/отсутствие референции у императивного высказывания. Этот признак разграничивает ПРИКАЗЫ и ИНСТРУКЦИИ (ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ). ПРИКАЗ всегда связан с конкретной, уникальной ситуацией, в которой известный Говорящий каузирует действие конкретного Адресата. ИНСТРУКЦИЯ непосредственно с текущей ситуацией может быть не связана, она связана с нормами, которые заинтересован выполнять любой Адресат в любое время.

Помимо указанных признаков существует целый ряд таких признаков как «вовлеченность Говорящего в каузируемое действие», «возможность/невозможность сформулировать прескрипцию с позиции силы» и так далее.

Большое количество разнообразных классификаций императивных значений и даже опыт классификации классификаций¹ показывает,

¹ См работу *Петрова Е.Б.* Каталогизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике [Электронный ресурс] // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008, №3. URL: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2008/03/2008_03_24.pdf (дата обращения 02.04.2014).

что комбинаторный подход, при котором выделяются несколько бинарных признаков и в результате создается классификационная таблица, не является удачным для семантических вариантов. На наш взгляд наиболее уместной для вариантов императивного значений является многоступенчатая классификация в виде дерева, которая предложена в нашей работе.

Всего нами были выделены 13 частных вариантов императивного значения: ПРИКАЗ, КОМАНДА, РАСПОРЯЖЕНИЕ, ТРЕБОВАНИЕ, УГРОЗА, ЛОЗУНГ (ПРИЗЫВ), ПРОСЬБА, МОЛЬБА, ИНСТРУКЦИЯ, ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ, РАЗРЕШЕНИЕ, СОВЕТ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ.

Схожую, но не идентичную ситуацию можно наблюдать в сербском языке. В сербистике попытки выявить и классифицировать семантические подтипы императивных высказываний не столь популярны и часты, как в русистике. Обычно сербские лингвисты перечисляют некоторые семантические подтипы императивов, когда дают определение императива как языкового явления. Располагая классификацией частных императивных значений русского языка, мы спроецировали ее на сербский язык, что позволило выявить эквивалентные типы императивного значения в сербском. Не прибегая к *tertium comparationis*, мы используем односторонне направленный подход для сравнения двух языков. Русский язык для нас является исходным языком, а сербский — языком-целью. Результат сравнения приводится в таблице:

русский		сербский
ПРИКАЗ		NAREĐENJE
КОМАНДА		KOMANDA
РАСПОРЯЖЕНИЕ		NAREĐBA
ИНСТРУКЦИЯ		UPUTSTVO
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ		UPOZORENJE
	}	SAVET
СОВЕТ		PREPORUKA
ПРЕДЛОЖЕНИЕ		PREDLOG
РАЗРЕШЕНИЕ		DOZVOLA
ТРЕБОВАНИЕ		ZAHTEV
УГРОЗА		PRETNJA
ЛОЗУНГ (ПРИЗЫВ)		SLOGAN
ПРОСЬБА	}	
МОЛЬБА		MOLBA

Как видно из таблицы, в области микрополей ПРОСЬБА и МОЛЬБА мы наблюдаем различия, которых нет в языке-цели, то есть, конвергентные отношения. В то время как в области микрополей SAVET и PREPORUKA мы наблюдаем различия в языке-цели, которых нет в исходном языке, то есть, дивергентные отношения.

Глава III посвящена приядерным элементам категории императивности, или средствам выражения побуждения к совместному действию.

Глагольные формы, выражающее побуждение к действию, агенсом которого является группа лиц, в которую входит Говорящий, называются в работе императивом 1-го лица мн. ч., или формой побуждения к совместному действию.

Как отмечено в работе В.С. Храковского «Исчисляющие классификации в типологии», «К словоформам, входящим в императивную парадигму, должны предъявляться всего два формальных требования: а) эти формы должны регулярно образовываться теми лексемами, которые по своей семантике допускают образование словоформ с повелительным значением, б) эти формы должны опознаваться в предложении как формы, имеющие повелительное значение»¹. Формы побуждения 1-го лица мн. ч., как синтетические типа *пойдем, пойдёмте, pevajto*, так и аналитические типа *давайте пойдём, ajde(mo) da pevato* соответствуют обоим этим требованиям и, следовательно, являются формами императива.

В разделе **1.2. Формы совместного действия в русском языке** рассматриваются следующие способы выражения побуждения к совместному действию:

1. синтетическая форма (пойдем(-ка)/пойдемте(-ка)),
2. аналитическая форма, образованная при помощи частицы да-

вай(-те):

давай/давайте + инфинитив НСВ

*Давай уже что-нибудь **делать!***

давай/давайте + будем + инфинитив НСВ

*Давай завтра весь день **будем спать** и никуда не пойдём.*

давай/давайте + 1-е лицо мн. ч. наст-будущ. времени глаголов

СВ

*Давайте и про маленького мальчика стихи **вспомним.***

¹ Храковский В.С. Исчисляющие классификации в типологии // Вопросы языкознания, 1996, № 3. С. 47.

неполная аналитическая форма *давай/давайте* + существительное с опущенным смысловым глаголом

А давай-ка выпьем завтра у меня дома! Чаю, например.

3. аналитические формы, образованные при помощи частицы *пойдем*

Пойдем писать первую часть «Мертвой невесты»!

*Калашников и Крупнов предлагают сделать экономику России неуничтожимой за счет ее распределенности. Интересно? Тогда **пойдем читать** весь выпуск...*

4. аналитические формы, образованные при помощи частицы *айда* (*айда* + наст.-будущ. СВ, *айда* + инфинитив НСВ и эллиптические конструкции)

*Сегодня звездопад. **Айда** где-нибудь **встретимся!***

5. форма глагола *идти* в прошедшем времени, мн. ч. — *пошли* в качестве регулярного побуждения к совместному движению

*Народ! **Пошли** все **играть** в баскет!*

В целом, для русского языка можно отметить тенденцию к аналитизму в образовании форм побуждения к совместному действию, которая проявляется как в большей частотности форм с *давай/давайте*, по сравнению с синтетической формой на *-те*, так и в процессе грамматикализации форм глагола *пойти*, которые начинают принимать участие в образовании аналитических конструкций наряду с *давай/давайте*.

Вовлечение форм глагола «пойти» в образование форм императива и формирование альтернативного способа побуждения 1-го лица мн. ч. может быть объяснено тем, что «для форм совместного лица в принципе характерна многовариантность»¹, а также тем, что в языках мира образование форм совместного действия при помощи частицы от глаголов движения со значением «приходить, приезжать, идти» является продуктивным и широко распространенным.

Формы совместной деятельности (или формы побуждения 1-го лица мн. ч.) в русском языке мы склонны рассматривать как приядерный элемент поля. Это формы наиболее близки к ядру категории и семантически полностью соответствуют признакам императивности. Однако они не являются прототипическими и не имеют специфическую синтетическую форму (синтетическая форма с неспецифическим суффиксом *-те* в русском языке также утрачивается). В отличие от устоявшегося и уже не

¹ Бирюлин Л.А., Храковский В.С. Повелительные предложения: проблема теории // Типология императивных конструкций, СПб., 1992. С. 27.

подверженного никаким изменениям ядра, приядерные формы довольно активно развиваются и меняются.

В разделе **1.3. Формы совместного действия в сербском языке** выделяются следующие формы императива 1-го лица мн. ч.:

1. синтетическая форма, имеющая тот же показатель, что и формы 2-го л.

Ne čekajmo drugi život, borimo se u ovom!

2. аналитическая форма побуждения к совместному действию, образованная при помощи частицы *hajde*

hajde da + наст. вр.

Bliže nam se izbori, pa ajde da se pripremamo.

hajdemo/ajmo + инфинитив

Hajdemo se kupati u moru.

Неполные формы с опущенным глаголом *hajdemo/ajmo* + дополнение или обстоятельство

Ajmo jedan aplauz za čuvara vatre, potreban mu je.

3. конструкции с частицей *daj(te)*

daj/dajte da + 1-е лицо мн. ч. наст. вр.

Daj da se nađemo negde oko 18 sati.

Кроме того, в современном сербском языке можно отметить тенденцию к экспансии аналитических форм, образованных при помощи *hajde*.

○ формы *hajde da* + 2-е лицо наст. вр. для побуждения 2-го лица, для которого существуют собственные синтетические формы:

Ajde sad lepo da kažeš kada je Makedonija bila država sa narodom Makedoncima koji su tamo živeli! (reci)

Ajde da priznaš da je ok film, osim jedne sitnice. (priznaj)

○ *ajmo da* + 1-е лицо ед. ч. наст. вр. (частица в форме 1-го лица мн.ч., глагол в форме 1-го лица ед.ч.)

Ajmo, junaci, davasvidim.

○ *hajdete da* + 1-е лицо мн. ч. наст. вр. (частица в форме 2-го лица мн. ч., глагол в форме 1-го лица мн. ч.)

Ajdete da malo zamezimo!

Pridružite mi se, hajdete da zbrišemo turke sa srpskog tla.

Подобные примеры встречаются довольно часто, и, скорее всего, носители языка не воспринимают окончание частицы как показатель лица. Значение лица (т. е. кто именно побуждается к действию) передается глагольным окончанием. Окончание частицы во многих случаях выбирается случайно. Носителями языка варианты с различными личными окончаниями частицы воспринимаются как синонимические.

В русском и сербском языках побуждение к совместной деятельности может быть выражено различными способами. И если в русистике ведутся споры о наличии синтетических форм императива 1-го лица мн. ч., то для сербистики спорным является вопрос о наличии аналогичных аналитических форм. Мы склонны выделять в обоих языках и ту, и другую форму, оговаривая при этом, что в русском языке синтетическая форма, скорее всего, постепенно уступает лидирующую роль аналитической (становится менее употребительной, возникает альтернативная аналитическая форма с *пойдем/пошли*), в то время как в сербском языке процесс формирования аналитической формы находится на начальном этапе (смешение модальной и формообразующей частицы, унификация форм вспомогательной частицы, возникновение новой аналитической формы с *daj/dajte*). С типологической точки зрения, конструкция побуждения к совместному действию «давай сделаем» с внутренней формой «пойдем сделаем» является широко распространенной в языках мира. Обе конструкции, как с частицами от глагола *дать/давать*, так и с частицами со значением движения, присутствуют и в русском, и в сербском языке. В сербском основной частицей, при помощи которой образуется аналитическая форма, является частица *hajde*, одним из значений которой является обозначение движения, но также постепенно возникает форма с частицей *daj(te)*. В русском отглагольная частица *давай(me)* является основной для аналитической формы побуждения к совместному действию. Но, помимо конструкции с *давай(me)*, в языке существует менее употребительная конструкция с *айда*, и формируются конструкции с десемантизированными формами глаголов движения (*пойдем, пошли, погнали*). Аналитическая форма побуждения к совместному действию завоевывает позиции в обоих языках как благодаря частотности уже сформировавшихся аналитических конструкций (с *давай(-me)* в русском и *hajde(-mo)* в сербском), так и благодаря появлению новых альтернативных конструкций (с *пойдем/пошли* в русском и *daj(-te)* в сербском).

Формальные морфологические различия обусловлены различиями в грамматической семантике. По-видимому, включение Говорящего в число Исполнителей прескрипции для русского языка предполагает качественное отличие от прототипической императивной ситуации, и материальное тождество форм императива 2-го лица и 1-го лица мн. ч. в процессе развития языка утрачивается. Для современного русского языка мы можем предположить, что включение Говорящим самого себя в действие меняет его восприятие ситуации — подобную ситуацию он не расценивает как идентичную той, в которой он выступает исключительно в роли Прескриптора. Очевидно, что состав Исполнителей — это не формальный

параметр, который может принимать любые значения без качественного изменения самой императивной ситуации, по крайней мере, для русского языка. Поэтому высказывания с Говорящим в роли Исполнителя относятся нами не к ядру, а к приядерной зоне категории императивности.

В сербском языке ситуация сложнее, поскольку в нем одновременно существуют две идентичные по значению формы императива 1-го лица мн. ч., одна из которых синтетическая, а другая аналитическая.

Утрата частицей *hajde* согласования с глагольной формой (и, возможно, дальнейшая ее унификация) является выражением потребности языка в неизменяемости. «То обстоятельство, что знак должен постоянно менять форму в силу отношений, которые связывают его с другими знаками... требует от говорящего и слушающего дополнительных усилий памяти и внимания»¹. Поскольку окончание частицы дублирует окончание глагола и не несет никакой информации, постепенно оно начинает восприниматься носителями языка как избыточное и подлежащее унификации. Помимо потребности в неизменяемости развитие формы побуждения к совместному действию демонстрирует также потребность языка в ассимиляции, которая выражается в аналогии. В образовании форм с *hajde* просматривается аналогия к образованию форм побуждения 3-го лица при помощи неизменяемой (на данный момент) частицы *neka* (которая в свою очередь начинается вытесняться неизменяемым *ajde*), о чем речь идет в следующей главе.

Аналитическая форма сербского императива находится пока на стадии формирования. Гипотезу относительно дальнейшего развития сербского императива 1-го лица мн. ч. можно сформулировать следующим образом: в дальнейшем аналитическая форма вытеснит из речевого употребления синтетическую специализированную форму, синтетическая форма исчезнет из ядра, а аналитическая форма окончательно закрепится в приядерной зоне. Таким образом общая тенденция для обоих языков заключается в том, что сужается семантическое ядро категории императивности (разница между ситуациями, в которых Говорящий включает или не включает себя в число Исполнителей, ощущается Говорящим как существенная), сужается ядро функционально-семантического поля императивности (постепенно отмирают синтетические формы совместного действия), а приядерная зона переживает фазу развития и расширения (становление аналитических форм, появление новых конструкций). При этом форма совместной деятельности стремится формально обособиться от центральных форм категории.

¹ Фрей А. Грамматика ошибок. М., 2006. С. 120.

В главе IV **Побуждение 3-го лица. Ближняя периферия категории императивности** рассмотрены элементы поля императивности, не однородные ядру ни с формальной, ни с семантической точки зрения. С семантической точки зрения, спецификой форм 3-го лица является несовпадение Исполнителя прескрипции (3-е лицо) и Получателя прескрипции (который всегда равен Слушающему, то есть 2-му лицу). С грамматической точки зрения, они не однородны формам 2-го лица, и, в отличие от форм 2-го лица и 1-го лица мн. ч., формы 3-го лица (а также формы 1-го лица, ед. ч.) могут иметь подлежащее.

Формы 3-го лица рядом исследователей включаются в парадигму императива (например, А.А. Шахматовым), либо исключаются из нее (например, Р.В. Пазухиным), либо исследователи считают, что рассматриваемые формы семантически могут быть отнесены к формам императива, но грамматически – нет, поскольку не имеют специфического показателя и являются транспонированными формами изъявительного наклонения (В.В. Виноградов).

В сербском языкознании также нет единого понимания статуса форм 3-го лица императива.

Мы причисляем формы побуждения 3-го лица (юссив) к императивными и считаем, что они выражают «делегированное побуждение»¹. Как и все императивные высказывания, высказывания с *пусть, пускай* не могут быть охарактеризованы по истинности/ложности — это наиболее очевидный признак, объединяющий так называемый «императив 3-го лица» с собственно императивом. Юссив также, в качестве разновидности императива, предполагает, что действие осмысливается Говорящим как контролируемое, в отличие от опатива, который формально может быть схож с императивом (формы с *пусть, пускай* или *нека*), но отличается от него неконтролируемостью действия.

В разделе **1.1. Формы побуждения 3-го лица в русском языке** рассматриваются следующие формы, образованные при помощи частицы *пусть/пускай*:

пусть + 3-е лицо ед. ч. наст. вр.(юссив)

Пусть мэр этот памятник себе на участке поставит и наслаждается им!

¹ *Касевич В.Б.* Императивность, каузативность, перформативность // *Функционально-логические аспекты анализа императива*, ч. 2. Семантика и прагматика повелительных предложений, М., 1990. С. 89.

пусть + 3-е лицо ед. ч. наст. вр. (контролируемое действие, пермиссив)

- Слышь, **пусть** пацан **подойдет поест**, у меня полный стол.

пусть + 3-е лицо ед. ч. наст. вр. (неконтролируемое действие, нонкуратив)

Чёрт с ним, **пусть берёт** прошлое поколение видеокарты.

побуждение 2-го лица в форме 3-го

Только **пусть пан** никому **не говорит**, это мой воз — я везу всякий нужный товар...

чтобы + л-форма

Чтоб немедленно **перезвонил!**

Кроме того, форма с пусть может выражать ряд неимперативных значений, на которых мы подробно в работе не останавливаемся:

пусть + 3-е лицо ед. ч. наст. вр. (неконтролируемое действие, оптатив)

Пускай вас **не пугает** количество ингредиентов, так как это блюдо очень легко готовится!

пусть + будет (ут) + предикатив (оптатив)

Пусть будет больше теплоты, Пусть день **начнётся** с красоты!

Весь массив форм типа *пусть + 3-е лицо* слишком разнороден в семантическом плане, чтобы его целиком причислять к средствам объективации императивности. Формы, которые мы рассматривали в предыдущих главах, выражали только императивное значение. В отличие от них, формы с *пусть* многозначны и только в некоторых контекстах обозначают каузацию действия. Формы с *пусть* регулярно образуются и являются аналитическими словоформами (а не сочетаниями), одно из значений которых является императивным. На основании этого мы можем отнести их к ближней периферии категории императивности.

В следующем разделе **1.2. Формы побуждения 3-го лица в сербском языке** рассматриваются аналогичные формы в сербском языке:

neka + 3-е лицо наст вр. (юссив)

Daj Vože da obe doguraju do finale pa neka bolja pobedi.

neka + 3-е лицо наст вр. (оптатив)

Neka poćiva u miru.

dabog + л-форма (оптатив)

Dabog ti djeca kirovala čungalungu na kredit.

форма 2-го лица императива в значении 3-го (оптатив)

Svaka žena budi ti mati, svaki čovek otac.

neka + 3-е лицо наст вр. (пермиссив)

Ajde za devojke je u redu. neka se udaju, vide Grčku i neka idu tamo.

neka + 3-е лицо наст. вр. (нонкуратив)

Drugi krađu direktno od države... u lepim odelima, ali krađu da bi kupili auto, oni krađu svaki dan i zato ne odgovaraju, pa neka i ovi malo krađu, nemaju priliku kao ovi drugi za svaki dan.

hajde + da + 3-е лицо наст. вр. (юссив)

Hajde cela gimnazija sad da kupi iPad.

Несмотря на несоответствие норме, подобные формы встречаются в разговорном языке. Их частотность значительно ниже, чем у обсуждавшихся в главе II неправильных употреблений форм 1-го лица мн. ч. Для 3-го лица более принятым является употребление частицы *neka*, а не *hajde*, с помощью которой образуется императив 1-го лица. Подобные конструкции не отмечаются в известных нам грамматиках.

Несмотря на то, что формы 3-го лица некоторыми исследователями считаются императивными и причисляются к ядру категории императивности, окончательное решение данного вопроса еще не найдено, поскольку данные формы могут иметь различные значения, зависящие от контекста. Их отнесение то к формам презенса индикатива, то к императиву вполне обосновано неоднородностью их семантики. В некоторых контекстах они имеют значение побуждения и каузации, в других — нет. Условно-уступительные, оптативные и нонкуративные высказывания не удовлетворяют требованиям побудительной семантики и, следовательно, формы 3-го лица в их составе не могут быть расценены как императивные.

Второй раздел главы IV посвящена **формам побуждения 1-го лица ед. ч.**, или формам автопобуждения.

В высказываниях с так называемым автопобуждением (*Взорву-ка я этот мост, товарищ лейтенант!*), отсутствует не только перформативность, но и сама каузация, поскольку в подобных высказываниях нет значения «причинения». Несмотря на то, что подобные высказывания не включаются нами в состав императивной парадигмы и не рассматриваются в качестве средства объективации категории императивности, мы считаем целесообразным уделить им внимание, поскольку они выражают смежное с императивом значение и близки ему по формам.

В разделе **2.1. Формы выражения автопобуждения в русском языке** перечисляются следующие формы:

Синтетические формы с частицей *-ка* (типа *пойду-ка, спую-ка*)

Ух, посмотрю-ка я, что там стоит!

К ним же относятся аналитические формы *пойду + 1 лица ед.ч. наст.-будущ. времени, пойду-ка я + инфинитив*, в которых *пойду* означает начало действия, а не перемещение в пространстве.

Пойду-ка и я на tumblr, тут как-то совсем неудобно стало.

Аналитические формы типа *дай(-те), (-ка), давай(-те), (-ка) + 1 лица ед.ч. наст.-будущ. времени СВ/ инфинитив НСВ*

Давай я поищу в Google за тебя (давай + СВ).

Давай я буду приходить к тебе кленовым соком (давай + НСВ).

Отдельное место занимают случаи употребления частицы *дай* в составе конструкции *дай + думаю + 1-е лицо наст.-будущ. вр. СВ*. В них нет ни императивного, ни побудительного значения.

Ехал я в субботу поздним вечером по Пятницкой в центр, да дай, думаю, заеду в один клуб.

Аналитические формы с пусть/пускай + 1-е лицо ед. ч. наст. вр. НСВ (наст.-будущ. вр. СВ)

И если я завтра воскресну, пускай я сегодня умру.

На наш взгляд, значение побуждения у данных конструкций отсутствует, значение же их колеблется от concessiva до optativa.

Формы *чтобы + л-форма* (*чтобы я тебя больше не видел!*)

Несмотря на ярко выраженную каузативную семантику (Говорящий своим высказыванием пытается каузировать Р, где Р = прекращение общения), данная конструкция является, скорее, optativa, поскольку ситуация расценивается говорящим как неконтролируемая. То же самое значение может быть выражено без эксплицитных форм 1-го лица (*Чтобы ноги твоей больше здесь не было!*)

Ряд сербских лингвистов, хотя и упоминают, что формы автопобуждения довольно редки, тем не менее рассматривают их как членов категории императивности. Несмотря на то, что в данной работе формы автопобуждения в сербском языке не рассматриваются в качестве равноправных членов императивной парадигмы (и категории императивности), в разделе **2.2. Формы выражения автопобуждения в сербском языке** отмечены следующие сербские формы:

Конструкция da + наст. вр.

Da otvorim novi temu onda.

Особенностью сербского языка является наличие полифункциональной и полисемичной конструкции *da + наст. вр.*, которая охватывает целый спектр значений, включая желательность и побудительность. Русские конструкции с *дай, давай, чтобы* и *-ка* передаются в сербском языке при помощи *da + наст. вр.*

Разновидностью конструкции *da + наст. вр.* является конструкция с побудительной частицей *hajde da + наст. вр.*

Hajde da prelistam engleski na brzini i da spravam.

Конструкция daj(te) da + наст. вр.

Joj, komšinice... dajte da vam pomognem.

Автопобуждение с глаголами восприятия

Kažu da je Makedonija najviše napredovala pa da vidim kako stoji stvari.

Da čujem šta kaže onaj ko tamo živi.

Данный случай автопобуждения можно по форме сопоставить с русскими конструкциями типа *расскажу-ка (дай/давай расскажу), покажу-ка (дай/давай расскажу)*, с той разницей, что в сербском языке используются *videti* и *čuti* (*видеть и слышать*), которые относятся к статическим глаголам, которые выражают состояние и имеют ограничения при образовании императива и выражении побуждения. В сербском языке конструкции *da vidim, da čujem* идиоматизировались и выражают каузацию 2-го лица. В русском языке, в большинстве случаев, им соответствуют императивные формы *покажи (da vidim)* и *расскажи (da čujem)*.

Формы так называемого «автопобуждения» (1-го лица ед. ч.) не входят в категорию императивности, однако некоторые формы, традиционно причисляемые к «автопобуждению» (*дай примерю, daj da vidim*) не имеют значения побуждения 1-го лица, а имеют значение побуждения 2-го лица. Их статус остается спорным. Также некоторые формы, традиционно не рассматриваемые в качестве императивных (типа *чтоб я тебя больше не видел* или *hajde, da vidim to čudo*) вполне могут считаться грамматической периферией (в силу наличия значения каузации), в отличие от форм, часто рассматриваемых как относящиеся к императивным средствам (типа *съем-ка*, в которых значение каузации отсутствует).

Кроме того, можно отметить, что русский язык обладает средствами усиления апеллятивности (*дай/давай*), которые интерпретируются иногда как показатели побуждения или императивности. Частица *давай* призывает Адресата санкционировать действие, а частица *дай* каузирует невмешательство Адресата в действие, поэтому формально схожие частицы формируют разные конструкции, которые по-разному относятся к категории императивности: побуждение с *давай* может быть рассмотрено как смежное с императивностью, побуждение с *дай* (которое практически всегда может быть переформулировано с использованием грамматической формы императива 2-го лица) может считаться периферийным способом выражения семантической категории императивности.

В целом бы хотелось отметить необходимость терминологически разграничить понятия «императивности» (повелительности) как понятия более узкого, включающего обязательный компонент значения «речевая каузация» и «побуждение» как понятия более широкого, обозначающего желательность действия для говорящего.

Мы предлагаем следующий подход к членению функционально-семантического поля императивности:

- Ядро категории императивности являются специализированные грамматические формы (2-е лицо в русском, 2-е лицо и 1-е лицо мн.ч. в сербском).
- Приядерные элементы — формы 1-го лица мн. ч., обладающие в полной мере императивной семантикой, но не имеющие синтетического грамматического показателя (в сербском языке синтетические формы 1-го лица мн. ч. пока включаются в ядро, хотя намечается тенденция их устранения из ядра).
- Ближняя периферия — формы 3-го лица, не обладающие специфической формой и не удовлетворяющие полностью семантическим критериям императивности, но, тем не менее, выражающие каузацию действия.
- Дальняя периферия — транспонированные формы, употребленные для выражения императивности в переносном значении.

В главе V **Средства выражения побуждения неимперативными формами** рассматриваются неимперативные средства выражения императивности, которые интересны, прежде всего, своим разнообразием, а также своей спецификацией — различные переносные употребления закрепились за разными подтипами императивного значения.

Наряду со специализированными формами императива, которые составляют ядро категории императивности, семантика императивности может быть объективирована и другими языковыми средствами в их не-прямых употреблениях. Изучение транспозиции позволяет выявить весь комплекс средств, используемых для выражения языковой категории.

*Завтра в школу **придеиш** с родителями!*

*Znači sutra **dodeš** u školu, **otiđeš** do Dominika i reci mu: Traktor te zove ili pozdravlja, svejedno je.*

*«За два дня **убрать** лед с парковок!» — приказал г-н Минаев директору парковки.*

*Jedan put dnevno **naneti** na obolelo mesto.*

Чаще всего в область императивности транспонируются высказывания с инфинитивом, с индикативом СВ в настоящем-будущем и прошедшем времени, с индикативом НСВ в настоящем и будущем времени и с формами сослагательного наклонения. В сербском языке может транспонироваться конструкция *da + наст. вр.* Кроме того, возможно употребление вопросов с целью побуждения и каузации действия.

В рассматриваемых нами языках (русском и сербском) много схожих схем транспозиции глагольных и именных форм в область употребления императива. Однако наряду с явным сходством существует и ряд различий, обусловленных как узусом, так и грамматикой.

Помимо транспонированных высказываний, содержащих ту или иную глагольную форму, в главе рассматриваются эллиптированные высказывания, имеющие значение императивности, но не имеющие глагольной форму.

В разделе **1.1. Конструкции с инфинитивом** внимание уделено употреблению инфинитива в предикативной позиции в императивных высказываниях, которое встречается как в русском, так и в сербском языке.

Дядечка с усами из нашего оцепления проорал: «Держать строй! Сынки! Если выживем, дам три дня на разграбление».

*U slučaji nužde **razbiti** staklo.*

В сербском языке запретительная конструкция с инфинитивом может быть выражена через аналитическое отрицание с частицей *nemoj* (-te; -mo).

*Što god radili samo **nemojte kliknuti** crveni gumb.*

В сербском языке зона употребления инфинитивных императивных конструкций значительно уже по сравнению с русским языком. В сербском агент каузируемого действия не может быть выражен дательным падежом при инфинитиве. Также в сербском отсутствует возможность сочетания инфинитива, выражающего побуждение, и вокатива.

Раздел **1.2. Конструкции с настоящим и будущим временем индикатива** посвящен формам настоящего времени НСВ и настоящего-будущего СВ, которые тоже могут выражать императивность.

*Завтра на чистописание все **приносят** тетрадь.*

*Karfiol **sečemo** na cvetove i **kuvamo** u slanoj vodi. Mesnatu dimljenju slaninu **isečemo** na male kockice i **ispržimo**.*

В русском языке в императивном значении могут употребляться формы обоих видов и всех лиц. 2-е лицо может иметь формы как ед., так и мн. числа, 1-е лицо — только мн. ч., 3-е лицо индикатива употребляется обычно во мн. ч. с местоименным подлежащим «все». Употребление в 3-м лице ед.ч., в принципе, возможно, однако в подобных случаях разграничение императивного и индикативного значения проблематично. В сербском языке собственно наст. вр. индикатива в императивном значении используется в небольшом количестве контекстов и только для 1-го лица мн.ч. В отличие от настоящего времени, транспозиция которого в сербском языке ограничена, будущее время (futur I) довольно широко употребляется в императивных контекстах.

*Ti ćeš da mi daš dva jajeta.
Ma daćeš ti meni Kamilin broj telefona, da ja malo popričam sa njom.*

В следующем разделе **1.3. Конструкции с прошедшим временем индикатива** описываются разговорные, экспрессивные конструкции, роль которых обычно недооценивается исследователями.

А ну, быстро съел мухомор и согласился со мной!

Помимо транспонированного прошедшего времени в разговорной речи встречается конструкция *чтобы* + *л-форма*, которая может выражать побуждение как 2-го, так и 3-го лица.

Чтоб сидел мне тут спокойно и не вертелся! (2-е лицо)

- Позови Якова! — велела ответившему абоненту. — Кто? Тетка его! Чтоб немедленно перезвонил! (3-е лицо)

Чтоб тихо мне тут было, варнаки! Одно хулиганье.

Часто в подобной конструкции акцент стоит на желательном для Говорящего состоянии или результате (используется пассивная форма или предикатив), а само действие и характер его выполнения преподносится Говорящим как несущественные («добейся результата, неважно как»).

Таксу твою я знаю, — сказал он. — Возьми пятерку, и чтоб к утру был готов...

В сербском языке только одно прошедшее время из четырех может транспонироваться в область императива — и это перфект (*perfekat*), который состоит из *л-формы* и вспомогательного глагола. В переносном значении *л-форма* употребляется не самостоятельно, а в рамках конструкции *da* + *л-форма*.

Da si smesta usta!

Замена императива сослагательным наклонением диктуется языковой категорией вежливости, которая предписывает применять языковые средства, маскирующие прямую каузацию и непосредственное воздействие Говорящего на Слушающего.

Вы бы не лезли туда кривыми руками, мой вам совет.

Кроме конструкций с сослагательным наклонением, можно также выделить конструкции с инфинитивом и частицей *бы* (сослагательный инфинитив), которые могут иметь подлежащее в дательном падеже.

Вам бы пересесть, туда, посмотрите, на той лавочке солнца нет.

В сербском языке подобный перенос значения формами сослагательного наклонения (*potencijal*) отсутствует.

Раздел **1.5. Вопросительные предложения** посвящен вопросам, которые обычно побуждают к речевой деятельности, но в некоторых случаях они могут побуждать и к неречевой деятельности.

Формы вопросов, транспонированных в область императивности, могут быть различными.

Ты не одолжишь мне сто рублей до зарплаты?

Часто в побудительных вопросах используется частица *ли*.

Не одолжишь ли ты мне сто рублей до зарплаты?

Вместо личной формы глагола в вопросе может присутствовать инфинитив.

- А не съесть ли тебе пустой горшочек?

Наиболее спорный и зависящий от широкого контекста коммуникативной ситуации способ выражения императивного значения — это вопрос без отрицания и частицы *ли*.

Ты доешь когда-нибудь этот торт?

Ты сходишь уже наконец в магазин?

В подобных высказываниях иллокутивный эффект не соответствует вопросу. Говорящий не стремится получить информацию о положении дел, а стремится воздействовать на Слушающего и добиться от него некоторого действия (*доешь уже этот торт! сходи побыстрее в магазин!*)

В сербском языке обычно побудительный вопрос формулируется в будущ. вр. (futur I), которое чаще, чем наст. вр., транспонируется в область императива в невопросительной форме.

Hoćeš li najzad da se ostaviš tih metafora i da dohvatiš lopatu?

В разделе **2. Эллиптические императивные конструкции** обсуждаются различные безглагольные высказывания, которые могут каузировать действие.

Быстрее!

Воды!

Vrže!

Ražnja!

В подобных высказываниях отсутствует императивная глагольная форма, и считается, что она может быть легко восстановлена, поэтому подобные конструкции принято называть эллиптическими.

В ряде случаев глагол действительно легко восстановить:

Воды! = *Дайте/Принесите воды!*

Pred tenk zbor! = *Postrojte se ispred tenka!*

В некоторых случаях для восстановления глагола требуются специфические экстралингвистические знания (*Разряд! Јаје на pola!*). В дру-

гих же — для выполнения КОМАНДЫ требуется выполнения целого комплекса действий, которые могут сильно различаться в зависимости от Исполнителей (*Uzbuna! Тревога!*) Также целый ряд одновременных или последовательных действий каузируют КОМАНДЫ типа *Вспышка справа! Atomski sdesna!* и т. д.

Мы можем предположить, что не во всех так называемых эллиптических императивных конструкциях возможно восстановить эллиптический глагол. В случаях, когда в КОМАНДЕ невозможно однозначно восстановить императивную форму, на наш взгляд уместнее говорить не об эллипсисе, а о репрезентации, как об одном из способов удовлетворения потребности в краткости. КОМАНДА *Тревога!* по сути репрезентирует Инструкцию, каузирующую целый ряд действий. Этот аспект императивных высказываний пока что остается малоизученным, и их репрезентативная функция обычно не упоминается исследователями.

Последний раздел главы посвящен **3. Междометиям с императивной семантикой**, на которых мы не останавливаемся подробно.

В **Заключении** подводится итог работы по анализу различных языковых средств (от морфологических форм до косвенных речевых актов), выражающих императивную семантику в двух славянских языках — русском и сербском, и суммируются сделанные выводы.

Категория императивности и средства ее объективации были рассмотрены для каждого языка в отдельности и в сравнении между двумя языками.

Работы по теме диссертации

Работы, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях:

1. *Стешевич В.Ю.* Аналитические способы выражения побуждения к совместному действию в русском и сербском языке // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Москва, 2014. № III:3(38). С. 20–35.

2. *Стешевич В.Ю.* Способы побуждения 3-го лица в русском и сербском языке // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2014. № 2(44). С. 277–285.

3. *Стешевич В.Ю.* Специфика категорий лица, глагольного вида и отрицания в императивных формах русского и сербского языков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 5(35). 2014. Часть II. С. 192–197.

4. *Стешевич В.Ю.* Автопобуждение в русском и сербском языке // Славяноведение. Москва, 2015. № 1. С. 93–100.

Подписано в печать 21.02.2017
Объем 1,6 п.л. Тираж 100 экз.
Компьютерный центр ИСл РАН – ritlen@mail.ru